

УДК 398.8 : 17.018.22

*Жиров М. С.,
Алексеева О. И.,
Жирова О. Я.*

**ГЕНЕЗИС НАРОДНОЙ ПЕСНИ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
КОНТЕКСТ**

Жиров Михаил Семенович, доктор педагогических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: zhirov@bsu.edu.ru

Алексеева Ольга Ивановна, кандидат философских наук, доцент

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
ул. Королева, 7, г. Белгород, 308033, Россия; E-mail: alex-amritam@mail.ru

Жирова Ольга Яковлевна, кандидат педагогических наук, профессор

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
ул. Королева, 7, г. Белгород, 308033, Россия; E-mail: knarhor7@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлены материалы исследований эволюции русской народной песни Белгородского региона в историко-культурном контексте. Народная песня рассматривается как особое словесно-музыкальное искусство, в содержательном и жанровом богатстве которого воплощены своеобразные черты национального характера русского народа. Рассматриваются различные гипотезы объяснения генезиса народной песни, истоков народного творчества в целом.

Анализ культурологической классики, посвященной народному музыкальному художественному творчеству и обработка авторских фольклорно-этнографических материалов используются для обоснования тезиса о том, что народная песня обладает повышенной «валентностью», способностью к самовозрождению, саморазвитию, потенциальной готовностью «осовремениться».

Материалы исследования могут быть использованы в различных формах образовательной и просветительской работы культурологов, искусствоведов, краеведов.

Ключевые слова: народная песня; генезис народной песни; музыкальный фольклор; песенные жанры; музыкальное творчество; духовные ценности; этнические традиции.

*Zhirov M. S.,
Alekseeva O. I.,
Zhirova O. Ya.*

**FOLK SONGS GENESIS:
HISTORICAL AND CULTURAL
CONTEXT**

Zhirov Mikhail Semenovich, Doctor of Education, Professor

Belgorod State National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; E-mail: zhirov@bsu.edu.ru

Alekseeva Olga Ivanovna, PhD in Philosophy, Associate Professor

Belgorod State Institute of Art and Culture; 7 Koroleva St., Belgorod, 308033, Russia; E-mail: alex-amritam@mail.ru

Zhirova Olga Yakovlevna, PhD in Education, Associate Professor

Belgorod State Institute of Art and Culture; 7 Koroleva St., Belgorod, 308033, Russia; E-mail: knarhor7@mail.ru

ABSTRACT

The article presents the studies of Russian folk songs evolution in Belgorod Region with reference to culture and history. A folk song is seen as a special verbal and music art.

Distinctive features of the national character of Russian people are embodied in its content and genre richness. The authors discuss various hypotheses that explain the genesis of folk songs and the origin of folk on the whole.

To support the thesis that a folk song has a high “valence”, the ability to self-development, the potential willingness to be “modernized” the authors give the analysis of culture classics devoted to folk music artistic creation and folklore and ethnographic material processing.

The research can be used in the educational process by culture scientists, art historians, and ethnographers..
Key words: folk song; genesis of folk song; folk music; song genres; musical creation; cultural wealth; ethnic traditions.

Возрастающий интерес к народной традиционной культуре, фольклору, народному искусству в XXI в. отражает потребность российского общества в национальной идентичности, восстановлении исторической памяти, стремление людей к духовному саморазвитию, формированию чувства укорененности в своем «почвенном» социокультурном пространстве. Поэтому столь актуальным представляется обращение к непреходящим духовно-нравственным ценностям и идеалам, воплощенным в народной художественной культуре, представленной инструментальным, хореографическим, обрядовым фольклором, устно-поэтическим, драматическим, декоративно-прикладным творчеством, народным зодчеством, изобразительным искусством, народной игрушкой. Имеются в виду уходящие вглубь веков национально-культурные традиции, неразрывно связанные с исторической памятью, выполняющие ключевую объединяющую роль, способствующие сближению и взаимопониманию между людьми, утверждению принципов согласия и толерантности, являясь при этом источником формирования морально-этических норм. Более того, механизмы функционирования традиционной культуры оказываются способными «найти баланс между экономическим, техническим развитием человечества и гуманистическим, нравственным воспроизводством» [5, с. 275].

Осмысление народной художественной культуры как целостной системы различных видов и жанров народного творчества дает основание подойти к анализу понятия «народное песенное творчество» как особого рода словесно-музыкального искусства, охватывающего разнообразные по идейно-эмоциональному содержанию и особенностям художественной формы музыкальные и музыкально-поэтические произведения устной традиции, созданные и исполняемые различными социальными группами общества (крестьянами, рабочими, ремесленниками, военно-служилыми людьми, охотниками на промыслах, солдатами и матросами, представителями интеллигенции), каждая из которых имеет свое специфическое «лицо», свой определенный момент включения в культурно-творческую деятельность.

Народное музыкальное творчество, воплотившее черты национального характера народа, отношение людей к окружающей действительности, к родной природе, семье, к происходящим историческим событиям, нашло наиболее яркое и полное отражение в гармоничном единстве слова и мелодии, представленном словесно-музыкальными произведениями разных жанров, среди которых песни, эпические сказы, причитания, трудовые припевки, частушки, большинству из которых традиционно присущи глубина и значительность содержания, яркое национальное своеобразие поэтического и музыкального языка, высокое совершенство художественной формы. Осмысление народной песни с точки зрения ее генезиса позволяет представить этот вид творчества, органично сочетающий музыку и поэзию, как феномен культуры, сотворенный человеком и природой, «необычный, исключительный факт, явление, данное нам в опыте, чувственном познании» [14, с. 1408].

Термин «volkslied» (народная песня) впервые ввел немецкий поэт, философ, историк и критик И. Г. Гердер (1744-1803), в сборниках «Голоса народов мира в песнях» (1778) и «Народные песни» (1779) указав на прямую связь песни с музыкой природы, историческим прошлым, отметив, что литературный компонент песни позволяет проследить всю культуру народа. Таким образом, песня выступает как культурологическая парадигма, «модель», интегрирующая господствующие ценностные идеалы, нормы и образцы жизнедеятельности посредством слова и звука, – формирующих, в конечном счете, мировоззрение человека, его эстетическую, нравственную, духовную, художественную сферы в контексте этноса и цивилизации. Выступая как синтез артефакта (материального начала, формы) и эстетического объекта (духовного начала, содержания), песня бытует и сохраняется благодаря своему содержанию, запечатлевающему духовные ценности: общественные представления о добре и зле, прекрасном и безобразном, справедливости, смысле истории и назначении человека, – понятия «жизненной философии», обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса.

В этом контексте народная песня предстает единицей обыденного философского (преимущественно этического) сознания, культурно значимым, аксиологически окрашенным и мировоззренчески ориентированным словесно-музыкальным феноменом народной художественной культуры.

Результаты анализа трудов русских философов XIX-XX вв. (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вл.С. Соловьев), исследователей народного искусства (П.Г. Богатырев, В.Е. Гусев, М.А. Некрасова, Е.В. Гиппиус, И.И. Земцовский, В.Э. Линева, А.Н. Сохор, М.А. Стахович, В.М. Щуров, К.В. Квитка), экспедиционные материалы авторов, введенные в научный оборот и использованные в качестве эмпирической базы исследования, позволяют утверждать, что народная песня – как наиболее яркий, распространенный и доступный вид музыкального фольклора – выступает основой познания бытия народа, духовного и практического опыта предшествующих поколений в виде знаний, ценностей и образцов жизнедеятельности.

В связи с многовековой традицией погружения народной песни в культуру этноса мы вправе рассматривать ее жанрово-видовую структуру как полифункциональную культурологическую парадигму, созданную синтезом правдивого человеческого чувства и звукозодчества, синкретизмом слова, музыки, танца и ритуальности. Прослеживая эволюцию песенного фольклора с древних времен до настоящего времени, необходимо выделить несколько основных периодов в ее развитии, конкретно-исторические процессы которых (социальные, политические, экономические, культурные) существенно влияли на судьбу русской народной песни.

Возникновение русской народной песенности корнями уходит в глубь веков, в древнюю славянскую культуру, в язычество восточнославянских племен и этнических групп, населявших европейскую часть территории дохристианской Руси. Зародившись в самой примитивной форме много тысячелетий назад, песня неуклонно развивалась, эволюционировала в лоне народной художественной культуры, в тесной связи с языком народа, его мышлением, историей, бытом, что неиз-

менно находило отражение и в напевах, и в текстах песен. «Городом я шла зарею, ко двору пришла тучею, к воротам бурею. Ударила в ворота золотою стрелою». А потому-то так справедливо утверждение Л.В. Кулаковского: «песни, созданные народом, отнюдь не примитив, но результат весьма длительной эволюции, многих тысячелетий непрерывного развития» [7, с. 5].

О наличии песни как первобытной формы фольклора у наших далеких предков свидетельствуют многие данные, в частности, языческие памятники, из которых следует, что русы, жившие родами, «в песнях воспевали возле костров вечерних о древней славе нашей, о священных реках наших, где города отцы наши имели и эту землю оставили и в другую землю ушли, которую мы с времен тех держим, и как в древности было – округа наши, города и огневища на новой земле создали» [9, с. 24]. Уже в период образования восточных славянских племен распространенными были игрища и обряды, сопровождаемые хороводами под «алилешные» песни, подтверждение чему находим в одном из первых документов Древней Руси: «Устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по сговору с ними» [10, с. 21]. Отголоски северянских «игрищ межю селы» ясно просматриваются и сегодня в бытующих на Белгородчине (Яковлевский, Прохоровский районы) песнях, где дается конкретное описание умыкания невесты: «Город завоевавши, деревню разоривши, Татьянушку взявши»; «Были, были да поехали, меня младу да покинули, а я млада завоевана»; «Ой, да мы походим, мы пойдём, да белую Марьюшку ши да возьмем». Подтверждение факту умыкания невесты находим и у А. Терещенко, который, анализируя брачные отношения древлян, пишет: «Молодые люди обоего пола сходились на игры между селениями, плясали и пели бесовские песни, потом уводили с собою невест» [15, с. 317]. Авторские музыкально-этнографические исследования на территории современной Белгородской области в период 1970-2014 гг. позволили нам выявить рудименты ряда этих обрядов в Белгородско-Курском и

Белгородско-Воронежском регионах. Наиболее отчетливо они проявились в традиции межсельских игр, плясок, вождения танков и карагодов на «гранях»: «...А нам надо девушку, девушку, ой, дид-ладо, девушку, девушку. Лови, лови, волче, сераю гусыню за белая шейку»; Селезень утицу загонял, селезень серу загонял...». Эти песни отражают свое время – время раннего христианства – и несут на себе его приметы. На наш взгляд, важно отметить развитость социальной организации и практический смысл подобных игрищ, которые не могли появиться в одночасье, а значит, имели длительную предысторию.

Стремление древних людей в ярком выразительном образе запечатлеть и передать другим свои наблюдения, мысли и чувства о наиболее важном, существенном в их трудовой жизни вело к возникновению разнохарактерных музыкально-поэтических и песенных произведений, как-то: трудовые припевки и выкрики, заклинания стихийных сил и явлений природы (солнца, дождя, мороза), трудовые и обрядовые песни. Для более легкого усвоения этих музыкально-поэтических произведений им придавалась складная ритмически упорядоченная форма, обычно в соединении с напевным интонированием, с более или менее развитым песенным началом. В песенном творчестве русского народа до настоящего времени сохранились песенные жанры, непосредственно связанные с трудовой деятельностью, с ритмом трудовых процессов. Это особого рода трудовые припевки, сопровождающие некоторые виды наиболее тяжелых артельных работ (передвижка бревен, рубка леса), не имеющие развитого словесно-музыкального текста, основанные на традиционных трудовых возгласах («Раз-два, взяли», «Раз-два, двинули», «Ух!»). Однако именно такие припевки дают нам представление и о древнейшей песенной традиции, имеющей форму напевно интонируемого речевого выкрика, призыва-возгласа, призыва-восклицания. Более того, с течением времени из таких простейших трудовых возгласов и небольших трудовых припевок песенного типа сформировались мелодически и поэтически весьма развитые трудовые песни: «Дубинушка», «Эй,

ухнем», «Во всю-то ночь мы темную» (артельные, бурлацкие – «лямочные»).

К числу древнейших по происхождению песен восточных славян относятся и различные виды земледельческих песен годового круга (так называемых «календарных»), исполняемых в определенное время года, иногда даже в строго определенное число. Главная тема в песенном творчестве древних восточных славян – земледельческий труд и те явления природы, от которых зависела успешность труда: «Казарики, казарики, нате вам гнездышко, а нам дайте летушка; «Ой, кулики, жаворонушки, прилетайте к нам у одонушки...»; «Дождик, дождик, припусти, а я сяду под кусты. Богу молиться, Христу поклониться».

Научные изыскания этнографов, фольклористов дают основание утверждать, что первоначально архаическая песня, отразившая коллективное бессознательное, стала впоследствии ярким, поэтическим воплощением «языческой романтики» (Б.А. Рыбаков), мировоззрения человека дохристианского космоса, подчиненного законам земледельческого цикла и зависимого от многочисленной плеяды богов славянской мифологии и прочих существ ритуальной праздничной обрядности: «За дижою сижу, питярнею возу. Свят, свят вечер (из подблюдной песни); «Мороза, мороза, ходи к нам в хату кутью есть! А в летку не приходи, под корень сховайся. А станешь морозить, станем тебя кнутом сечь!» (из обряда «гукания Мороза); «Ой, каледа, мы тебе подарим, коня с седлом, с золотой уздой. Твоему сыну сераю гусыню». А дочери сундук с добром, с золотым замком» (из песни-колядки).

Таким образом, мы находим подтверждения тезису, что основой русской традиционной песенной культуры в архаический период становится мифология, что не противоречит общеевропейским канонам объяснения синкретичной природы поэзии, всего художественного творчества.

Уже в прафольклорный период песня является неотъемлемым, гармоничным истоком зарождающейся культуры, подтверждение чему находим в отразившей легендар-

ную историю древних славян (при всей неоднозначности ее аутентичности) «Велесовой Книге»: «Мы начинали, великую славу Ему [Триглаву] воспевали, Сварога-Деда богов восхваляли» [2, с. 64]; «<Свентовита> пляшущего мы воспевали, к нашему Богу зывали мы» [2, с. 65]; «... Магура поет песни свои к сече...» [2, с. 72]; «Матерь Сва славу поет нам, чтобы мы воспевали походы на врагов» [2, с. 69]; «имели мы в тот день игрища перед очами старших: и силу юноши показывали, они быстро бегали, пели и плясали» [2, с. 76]; «и поет птица Матерь Сва нам, чтобы мы подняли мечи свои на защиту свою <...> И на этой земле – враги, и она бьет их, «она сражается за нас» [2, с. 77]; «Матерь Сва поет над нами, и должны мы стягом нашим дать трепетать на ветру, а коням нашим – скакать по степям» [2, с. 79].

Выделившись, согласно учению Аристотеля, из протоплазмы хорических действий, песня сохраняет свое синкретическое, словесно-музыкальное начало, постепенно усложняя жанровую систему и содержание, но не отказываясь от ведущих мифологических образов, мотивов и сюжетов. В результате глубочайшего проникновения человека в таинство окружающего мира, единения человека и природы, мать-сыра земля, Вода, Небо, Солнце, Огонь, Ветер, Конь, Дерево (как воплощения судьбоносных сил) и другие стихии, предметы, животные, растения и по сей день сохраняемы в песнях («Расступися, мать-сыра земля»; «Ясная волнушка вставая, конь под Иваном играя»). О глубинных мифологических истоках народной песни свидетельствует традиционное обращение в словесно-музыкальных произведениях к Ладу, Ладе, Леле – покровителям мира, благополучия, любви, процветания, в которых, согласно вторичному источнику, «мняше себе добро, веселие и любезно житие стяжати... поюще: Ладю, Ладю!.. руками плещуще и о столъ биюще, воспевают» [6, с. 340], что нашло отражение и в многочисленных песенных образцах («Как на поле, на поляне, ладу, ладу. Как на поле, на поляне душель мая»; «В лузю, лузю, да в зеленом, ладу, ладу. В лузю, в лузю да в зеленом, душель мое»). Постепенно песня, рожден-

ная мифом, «чудесной в словах данной личностной историей» (А.Ф. Лосев), помимо заклинательно-магической функции начала выполнять и другие: познавательную, выразительную, художественную, апеллятивную, контактно-устанавливающую, – которые, в итоге, снискали самой песне доминирующую роль среди других жанров народного художественного творчества, а ее исполнителям (как мифологическим героям: античному Орфею, силой пения умирившему диких зверей и переносившему горы, древнеславянскому Велесу, научившему людей высокому искусству поэзии, а также вещим птицам Сирину, Алконосту, Гамаюну, Диву) – отражение в памятниках народной словесности.

Христианизация Руси – далеко не однозначное явление для народной песни, корни которой уходят в язычество, а потому она сохраняет его могучее влияние, постепенно включаясь в новую религиозно-духовную систему. Языческие корни, по мысли М.С. Жирова, «первая и основная примета в развитии архаичной песни, связанной с эпохой земледельческого календаря» [3, с. 12], поэтому главной темой песенного творчества древних восточных славян является земледельческий труд, земля-матушка, «земелюшка-чернозем, ходи тучно, чернозем» (из хороводной песни). Бесспорно, христианизация Руси – переломный и важнейший этап в развитии русской народной песни, когда древняя земледельческая поэзия находит продолжение в формировании нового полирегионального образования – архаического фольклора, органично воплотившего в себе культуру языческого мира и новую религиозную идеологию, которые, в частности, нашли отражение в ряде архаичных песенных жанров. Так, к примеру, в колядках, приход Коляды, Овсеня (мифологических персонажей) сопровождается шествием трех «братцев» (Рождество Христово, Василь Косарецкий, Крещение Христово) – христианских образов.

Образцы зафиксированных в регионе архаичных песен-пожеланий также свидетельствуют о наличии в них элементов языческой и православной культуры, а перевоплощение колядующих по окончании песни-коляд-

ки в «наседок»: «Квох, квох, выведу тридцать двох, и чтоб ни один не сдох» – на наш взгляд, напрямую связано с древними магическими закличаниями, так как содержит в себе образы-символы плодородия [4, с. 22]. В традиции «сеять из рукава» зерна овса, ржи, пшеницы, гречихи в «Красный» угол избы (под образа) под обрядовые песни: «Со скотом, с животом, со пшеничкой и овсом», «Торох, торох, зароди, Бог, горох, жичку, пшеничку, ячмень, гречичку»; похлестывать для здоровья освященной вербной веточкой детей: «Верба-хлест! Бей до слез! Вставай, умывайся, красным коком разговляйся»; в выпечке обрядовых лестничек, подбрасывании их в поле вверх, под песенку: «Дай, нам, Боже, много тоже ржи, пшеницы, конопцы!»; в «окликании» Егория холодного, почитаемого в народе как хранителя домашних животных: «На нас, православных, оглянись, скотинушку обереги от стужи холодной и зверя лютого», – свидетельства близости в народной поэтике языческих божеств и святых христианского пантеона.

Резюмируя, скажем: есть все основания констатировать, что с начала второго тысячелетия, когда окончательно сформировалось русское крестьянство как основная часть общества, дальнейшее развитие русской песенности было тесно связано с крестьянским фольклором: мифами, обрядами, ритуалами, празднествами.

Каждая последующая эпоха вносила определенные перемены в жизнь русского человека, что, в свою очередь, накладывало отпечаток и на русскую народную песню. Облик ее существенно менялся: отмирали и зарождались новые жанры песенного фольклора, обогащался музыкально-поэтический язык песни, расширялся круг сюжетов, поэтических образов, музыкально-выразительных средств, менялись формы бытования фольклорной песни. Народное песенное творчество наполнялось новым содержанием. Так, эпоха Киевской Руси (период русского средневековья) подарила потомкам великолепные образцы героического эпоса: сказы, былины, баллады о подвигах русских богатырей, о доблести простого воина.

Другим магистральным направлением развития русской народной песни можно считать процесс этнокультурного синтеза – восприятия и переработки на русской почве различных этнических традиций. Этнокультурное взаимодействие происходило как по историко-религиозной линии «язычество – христианство», так и по этно-горизонтальной – между различными этническими образованиями и группами, проживающими на территории современных славянских государств. Память о «севрюках» сохранилась, к примеру, в южнорусском песенном фольклоре («Не честь, не хвала сватова, прислал мужика-севрюка. Не умеет мужик говорить, не умеет мужик челом бить...»).

Опираясь на данные исследований Р.И. Иванова, Л.Ф. Бузника, М.С. Жирова, Д.К. Зеленина, В.М. Щурова, можно утверждать, что родственность русского языка белорусскому и украинскому – это прежде всего результат общности происхождения трех восточнославянских языков, а не результат их взаимовлияния. Справедливость этой точки зрения находит подтверждение в сравнении песенного фольклора трех славянских народов, «костяком» напева которого является стих с устойчивой цезурой, организующий ритмику и логику мелодического развития музыкально-поэтической строфы» [16, с. 44]. Для нас весьма важны и выводы о том, что «точная граница может быть проведена только между великоруссами и малоруссами в тех местах, где и те и другие – поздние пришельцы, где они столкнулись не раньше XVII столетия» [13].

Бытовавшая на территории края и выражающая народное представление о сословной иерархии русская народная песня формировалась не только как полиэтническое, но и как полисоциальное явление, воплощенное в текстах песен («...сам помещик, сам крестьянин, сам холоп и сам боярин...»). Принципиальное значение в данном контексте имеет заключение Н.М. Лопатина: «Народная песня в пору расцвета народного творчества создавалась не исключительно простонародьем, в иных народных песнях видны следы образования в среде боярской, в среде военнотружильных людей» [8, с. 66]. Вместе с тем, создателем, носителем и хранителем русской пес-

ни было, главным образом, основное народонаселение, в классический период развития фольклора – преимущественно крестьянство, которое и сформировалось как сообщество благодаря фольклору [12, с. 18]. А.И. Арнольд обобщает: «Социокультурная структура деревенской Руси была традиционно устойчивой <...> семьи были сложными семьями старого типа с сильнейшими пережитками бытовой патриархальности <...> семья выполняла все основные культурные функции: она была производственной ячейкой; члены семьи сами производили для себя все, что необходимо для жизнеобеспечения; во многом она заменяла школу; в семье профессия и мировоззрение передавалось по традиции; она была ядром социальной организации и контроля, ибо представляла собой общность, находящуюся под контролем общественного мнения окружающих; жизнедеятельность ее членов регулировалась обыденным правом (нравы, обычаи)» [1, с. 244].

Однако некоторые ученые не разделяют точку зрения о необходимости поисков первичных истоков фольклора исключительно в крестьянской среде. Справедливо утверждение В.Я. Проппа: «Фольклор имелся раньше, чем на исторической арене вообще появилось крестьянство» [11, с. 18]. В этой связи весьма интересно замечание музыковеда Ю.В. Келдыша о том, что на начальных этапах культуры фольклор (в том числе песенный) в его многообразных формах и проявлениях захватывал обширную сферу жизни, а его удельный вес в художественной культуре, например, средневековья, был значительно выше, чем в системе искусств нового времени.

Появление в связи с бурным развитием городов других социальных групп, динамичное расслоение населения, насаждение прозападных духовных ценностей, расцвет профессионального светского искусства и другие явления нового времени способствовали зарождению новых творческих течений. Свой песенный фольклор возникает в среде рабочих, солдат, интеллигенции, мещан, купцов, студентов и города в целом. Следует подчеркнуть, что все эти новообразования песенного фольклорного творчества имели немало

общего, так как сформировались на основе крестьянской песни, питаясь ее многовековыми традициями. Например, крестьянская песня послужила сюжетно-образной основой для создания песен рабочих. Лирической протяжной крестьянской песне своим происхождением обязан и русский романс.

На основе всего вышеизложенного можно констатировать, что русская народная песня имеет конкретно-историческую окраску и конкретно-исторический смысл: сакральный, ритуальный, эстетический, прагматический. В границах исторических эпох возникали фольклорные парадигмы, или волны, связанные с конкретными историческими событиями. Песенный фольклор имел свои особые закономерности возникновения, расцвета, затухания, включения в культуру.

В свою очередь, современные течения музыкально-песенного фольклора, со временем обретая самостоятельность, в той или иной мере влияют на традиционное песенное творчество. В тематику и содержание народных песен проникали и проникают новые сюжеты и образы из литературных источников. В народе создавались песни на стихи любимых поэтов: К.Д. Бальмонта, М.Ю. Лермонтова, Д.В. Давыдова, В.А. Жуковского, А.В. Кольцова, А.С. Пушкина и др.

Таким образом, картина общего состояния традиционной песенной культуры во все времена была не только мозаичной в историко-стадиальном отношении, но и весьма неоднородной в плане этно-религиозном, нравственно-эстетическом и художественном. Основные черты, параметры и характеристики этой картины сохраняются и в начале XXI в., естественно, с учетом современной социокультурной, политической и экономической ситуации в России. Тем не менее, в связи с уходом из жизни знатоков и хранителей народной песни есть опасность «потерять» целые пласты традиционного песенного фольклора, имеющего архаичные корни (календарные, семейно-бытовые, исторические, протяжные, лирические и т. д.). В контексте сказанного особую научную значимость приобретают полевые, фольклорно-этнографические материалы исследователей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольдov, А.И. Введение в культурологию. М.: Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. 349 с.
2. Велесова Книга // Хрестоматия по истории русской культуры. М.: Издательский центр АЗ, 1996. С. 64-79.
3. Жиров, М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. 310 с.
4. Жиров, М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры в современных социально-культурных условиях: дис. ... д-ра пед. наук; МГУКИ. М., 2001. 479 с.
5. Каргин, А.С. Народная художественная культура: курс лекций. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 1997. 288 с.
6. Коринфский, А.А. Народная Русь. Смоленск: Фирма «Русич», 1995. 648 с.
7. Кулаковский, Л.В. Песня, ее язык, структура, судьбы: на материале русской и украинской народной, советской массовой песни. М.: Советский композитор, 1962. 342 с.
8. Лопатин, Н., Прокурин, В. Русские народные лирические песни. М.: Музгиз, 1956. 458 с.
9. Пассек Т.С. К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна // Советская этнография. 1947. Вып. 6-7. С. 14-38.
10. Повесть временных лет: ч. 1-2 / под ред. В.П. Андриановой-Перетц. М.; Л.: Наука, 1950.
11. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность: избр. статьи; АН СССР; Ин-т востоковедения. М: Наука, 1976. 325 с.
12. Путилов, Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 457 с.
13. Соболевский, А.И. Русский народ как этнографическое целое. Харьков, 1907.
14. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 4-е. М.: Советская энциклопедия, 1987. 1600 с.
15. Терещенко, А.В. Быт русского народа. М.: Русская книга, 2001. 507 с.
16. Щуров, В.М. Южнорусская песенная традиция. М.: Советский композитор, 1987. 312 с.

REFERENCES:

1. Arnoldov, A.I. Introduction to the Cultural Studies. Moscow: Narodnaya akademiya kultury i obshechelovecheskikh tsennostey. 1993. 349 p.
2. The Book of Veles. Readings on the History of Russian Culture. M.: Publishing Center AZ. 1996. Pp. 64-79.
3. Zhirov, M.S. Regional System of Preservation and Development of Folk Art Culture Traditions. Belgorod: Publishing House of BSU. 2003. 310 p.
4. Zhirov, M.S. The Regional System of Preservation and Development of Traditional Folk Art Culture in Modern Social and Cultural Conditions. Doctoral diss., Moscow State Institute of Culture. 2001. 479 p.
5. Kargin, A.S. Folk Art Culture: Lectures. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 1997. 288 p.
6. Korinfskiy, A.A. The Folk Rus'. Smolensk: «Rusich». 1995. 648 p.
7. Kulakovskiy, L.V. The Song, Its Language, Structure and Destiny: On a Material of Russian and Ukrainian Folk Songs and Soviet Mass Song. Moscow: Sovetskiy kompozitor. 1962. 342 p.
8. Lopatin, N., Proskurin, V. Russian Folk Song Lyric. Moscow: Muzgiz, 1956. 458 p.
9. Passek T.S. On the Question of the Ancient Population of the Dnieper and Dniester Basin. Sovetskaya etnografiya. Issue 6-7. 1947. Pp. 14-38.
10. The Tale of Bygone Years: in 2 parts. Ed. by V.P. Andrianova-Perets. Moscow; Leningrad: Nauka. 1950.
11. Propp, V.Ya. Folklore and Reality: Selected Articles. Moscow: Nauka. 1976. 325 p.
12. Putilov, B.N. Folklore and the Folk Culture. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 2003. 457 p.
13. Sobolevskiy, A.I. Russian People as the Ethnographical Whole. Kharkov, 1907.
14. Soviet Encyclopedic Dictionary. Ed. by A.M. Prokhorov. 4th ed. Moscow: Sovetskaya Entsiklopedia. 1987. 1600 p.
15. Tereschenko, A.V. The Mode of Life of the Russian People. Moscow: Russkaya kniga. 2001. 507 p.
16. Schurov, V.M. The South Russian Song Tradition. Moscow: Sovetskiy kompozitor. 1987. 312 p.